

К. Д. КАВЕЛИН О СМЕРТИ НИКОЛАЯ I

ПИСЬМА к Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Статья и комментарии Ш. М. Левина

Публикация Л. Р. Ланского*

Ниже публикуются три письма К. Д. Кавелина к Т. Н. Грановскому: первое — от сентября 1848 г., второе — от октября 1853 г. и третье — от марта 1855 г. Письма представляют несомненный интерес для освещения политических настроений и взглядов определенных кругов русского общества в середине XIX в., а вместе с тем содержат ряд отдельных фактических сведений из истории журналистики, об обстоятельствах смерти Николая I и вступления на престол Александра II.

В письмах с особой яркостью отразилась ненависть, несомненно, достаточно широкого общественного круга к личности и режиму Николая I. В первые недели после неожиданной смерти царя Кавелин писал: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезающий лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I, — это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры — околел, наконец, и это сущая правда!» В период николаевского царствования, особенно в последние его годы, когда реакция достигла самых крайних пределов, даже люди, подобные Кавелину, переносили негодование и возмущение с личности царя на всю династию.

Однако и в то время, когда чувство отвращения и озлобления против царствующего императора было столь сильно, Кавелин не был принципиальным противником самодержавной монархии, напротив, он считал ее необходимой и неизбежной формой правления для тогдашней России. В письме 1848 г. Кавелин прямо утверждал: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, — только убивает зародыши самостоятельной, национальной жизни». Минималистскую утопию просвещенного и прогрессивного абсолютизма в России Кавелин сохранил при переходе к новому царствованию и в течение всей своей последующей общественной и публицистической деятельности.

В письме к М. П. Погодину, относящемся к началу ноября 1855 г. и в свое время опубликованном Н. П. Барсуковым, Кавелин делился своим убеждением в «совершенной необходимости сохранить неограниченную власть государя, основан ее на возможно широких местных свободах и участии всех в местных делах и управлении»¹. Известно, что Кавелин настойчиво и систематически выступал против конституционных стремлений и конституционной агитации, что, между прочим, послужило одним из поводов для разрыва его в начале 1860-х годов с Герценом. Правда, в своей переписке с Герценом, непосредственно предшествовавшей этому разрыву, Кавелин доказывал, что он не отрицает конституции в будущем. «Я говорю, — писал он в мае 1862 г. Герцену, — приготовляйте грунт для истинной и прочной политической свободы в самоуправлении (речь шла тут о местном самоуправлении. — Ш. Л.). Ударьте на это;

* Письма печатаются по автографам ГИМ (ф. 345, ед. хр. 3, лл. 1—10 об. и 21—24 об.).

«остальное придет само собою»². Но в какую неопределенную даль отодвигалось, в конце концов, Кавелиным это будущее, видно из того, что даже спустя двадцать лет он не считал его назревшим. В январе 1882 г. Кавелин сообщал в одном из своих писем: «Почти все убеждены, что самодержавие кончило свои дни. Я принадлежу к немногим единицам, которые думают, что не самодержавие, а органы и способы его действия окончательно отжили свой век и должны быть радикально реформированы, заменены совершенно иными, соответственно более зрелому гражданскому возрасту России, более сложным и тонким потребностям»³. С исключительным упрямством Кавелин противопоставлял «политический» вопрос «административному», пытаясь доказать, что России не нужны политические гарантии против исторически сложившейся верховной власти, якобы отличающейся «всесословным демократическим характером», и что ей «на долгое время» хватит удовлетворения таких пожеланий, как «скольком-нибудь сносное управление, уважение к закону и данным правам со стороны правительства, хоть тень общественной свободы» (писал это Кавелин в середине 1870-х годов)⁴.

Если в 1870-х и тем более в начале 1880-х годов такая из ряда выходящая скромность положительной общественной платформы Кавелина уже вызывала немало возражений в либеральном лагере, то в середине 1850-х годов, когда Кавелин писал третье, особенно симптоматическое из публикуемых писем к Грановскому, он был, судя по всему, гораздо более типичным выразителем настроений либерального круга.

Готовый, по его собственным словам, «с ума сойти от радости и опьянеть от счастья» по случаю смерти «нового Навуходоносора», скорбя о том, что общий друг его и Грановского, Николай Фролов не дожид до «минутой сладкой», до избавления от «сифилиса, открывшегося в России в лице высочайшей особы», Кавелин вместе с тем в этот момент согласен был удовольствоваться самым малым. Он присоединялся к мнению тех, кто, согласно его свидетельству, считали, что «реформ и великих государственных действий» нельзя ожидать, однако полагали, что «все пойдет, хоть в той же колее, но почеловечнее и помягче, по крайней мере сначала». При этом Кавелин от себя заявлял: «Если новый царь не станет биться в своей клетке, как яростный тигр, ища жертв и казней, подобно отцу; если он только даст подлечить раны, нанесенные этим бессмысленным татаряном и злодеем; если мнение, жалоба, высказанные между четырьмя глазами, не будут считаться справедливым основанием к жестоким казням; если хоть мало-мальски общественный голос будет до него доходить, на 10, на 15 лет этого очень, очень довольно, без реформ и преобразований <...> Лет 10, 15 немного — чтоб вздохнуть, выспаться нравственно и приготовиться к новой деятельности».

Конечно, на такой оскопленной, безмерно купой «платформе» и сам Кавелин не удержался. Уже когда он писал цитированные строки, то и тогда высказывал предположение, что его корреспондент — Грановский — с ним не согласится. Как известно, Кавелин тогда же или вскоре принялся за подготовку проекта отмены крепостного права, который, во всяком случае, никак нельзя было не считать реформой, «преобразованием». Но при всем том настроение, выразившееся в большом мартовском письме к Грановскому, было характерным для Кавелина, да и для многих русских либералов вообще. Кавелин был способен к меткой и подчас острой критике тех или иных пороков существующей системы, он ненавидел некоторых наиболее мерзких ее представителей, но как личные свойства, так и классовый интерес неизменно ограничивали его кругозор. Он боялся всяких резких политических сдвигов и по давню не допускал применения серьезных, действенных политических средств борьбы, основывая свои надежды на таком шатком «основании», как тихий нрав и будто бы доброе сердце Александра II, как «хорошие наклонности» великого князя Константина Николаевича и его готовность идти об руку со вступившим на престол братом и проч.

Одним из источников безграничного кавелинского оппортунизма, считавшегося им самим проявлением трезвости и реализма, было его недоверие к общественным силам. В той части известного «Письма к издателю» (то есть к Герцену), напечатанного в первой книжке «Голосов из России», которая была написана Кавелиным, говорилось: «...Русская мысль, представляемая горстью просвещенных и порядочных людей, не может грозить ни русскому государю, ни даже невежественной русской бюрократии; когда правительство ее от себя отталкивает, как до сих пор было, она остается бес-

сильную и гложет в ничтожестве и бездействии <...> Доказательства под глазами: сорок лет у нас пренебрегали мыслью, и какой же тому результат? — Революции у нас от этого не было, а Россия померкла извне, замерла физически и нравственно внутри. Если правительство вздумает продолжать идти по тому же пути, ему по-прежнему нечего опасаться ни восстаний, ни заговоров, ни тайных обществ, но оно загубит страну, иссушит все ее живые соки, и положение наше, внутри и вне, будет еще мрачнее, еще достойнее слез, чем теперь»⁵. Будучи сам одним из представителей той части дворянской интеллигенции, у которой способность к практическому действию была парализована николаевским режимом, Кавелин переносил эту черту не только на все свое поколение, но и на последующее. В мартовском письме 1855 г. к Грановскому он писал: «Кто возвратит нам назад тридцать лет и призовет опять наше поколение к плодотворной и вдохновенной деятельности! Какому Ваалу нового времени принесены в жертву лучшие силы, цвет и надежда России? Когда-то соберутся новые? Еще генерация, выросшая и воспитанная под самой несчастной звездой, лишенная энергии, идей, чести, только с виду носящая человеческий образ, должна пройти, пока выйдет что-нибудь путное». «От нас ждать нечего, а за нами идет гнусная генерация», — повторял он в конце того же письма. Впрочем, через год (письмо к Погодину от 3 апреля 1856 г.) Кавелин хвалил уже современную молодежь, говоря, что около нее у него отогревается сердце: «Тут сокровища любви, веры и ключи живой жизни»⁶. Но все же он и дальше колебался в оценке подрастающего «нового племени», «новых тружеников мысли». Герцену в 1857 г. он по поводу них писал: «Сведений у них без сравнения больше нашего. А больше ли жару, больше ли веры и надежды, — это великий вопрос. Мне кажется, что они в этом от нас отстали, как мы отстали от наших предшественников»⁷. Однако самое главное заключалось даже не в этих колебаниях и противоречиях, а в том, разумеется, что Кавелин не сумел и не захотел понять нового демократического, разнородного поколения. Близкое личное общение в дальнейшем с такими замечательными представителями этого поколения, как Чернышевский и Добролюбов, ничего, по существу, в этом отношении не изменило.

В публикуемых кавелинских письмах 1848 и 1853 гг. важное место занимает вопрос об отношении к Герцену. С середины 1840-х годов Кавелин находился в большой дружбе с Герценом. «После Грановского я никого так не любил, как тебя; да и при Грановском я тебя любил не меньше его», — писал Кавелин Герцену впоследствии, в 1862 г.⁸ Для Герцена отношения с Кавелиным тоже значили немало. О посещении его в Лондоне Кавелинист в 1859 г. Герцен говорил (в письме к М. К. Рейхель) как о главном событии после приезда Огарева⁹. Тем не менее, во взаимоотношениях Кавелина с Герценом многое было основано на несознанных обеими сторонами недоразумениях. Кавелин долгое время считал себя в существенном единомышленником и последователем Герцена. Но «сходство» ряда их взглядов (в некоторых оценках судеб и путей развития Запада и России¹⁰, значения общины, роли крестьянского элемента в русской жизни в настоящем и будущем и т. д.) было сходством более по форме, чем по внутреннему содержанию, определяемому классовой природой и общественными идеалами. Когда Кавелин писал позднее (в 1857 г.) Герцену, что, как ему кажется, они с Герценом расходятся «не в целях и в основаниях», а, скорее, «в средствах, которые ведут к целям»¹¹, то он и в этом очень сильно ошибался, не говоря уже о том, что обнаруживавшееся на разных этапах их отношений расхождение в понимании «средств» в конечном итоге оказалось столь глубоким и острым, что само по себе должно было привести к безысходному конфликту.

В своем письме от июня 1859 г. Кавелин писал Герцену: «Разошедшись на короткое время не в мыслях, а в образе действий, я опять и давно сошелся с тобою»¹². «Схождение», весьма неполное, оказалось и непрочным. К тому же Кавелин погрешил против истины, говоря, что оно состоялось «давно». Ибо еще в 1855 г. (во второй половине, несомненно), в цитированном уже выше «Письме к издателю», Кавелин, выражая «от глубины души» уважение к Герцену как одному из даровитейших русских писателей, оказавших «в высокой степени благотворное влияние на русскую мысль», подчеркивал одновременно, что далеко не разделяет герценовского образа мыслей, далеко не сочувствует деятельности Герцена со времени его отъезда за границу¹³.

Это несочувствие и отразилось в письмах Кавелина к Грановскому от сентября 1848 г. и октября 1853 г. В 1848 г. Кавелин противопоставлял открывающейся, как он думал тогда, перед Грановским будущности — «и деятельной и плодотворной для других» — деятельность в Париже Герцена, которая его, Кавелина, наоборот, и огорчала, и мучила. Правда, на первое место он тут выдвигал опасения, что своей «опротечивостью» и «увлекательностью» Герцен закроет себе дорогу в Россию и возможность «делать свое дело у нас». Но, собираясь писать «огромное письмо» Герцену, он хотел дать ему почувствовать как «неосторожность» его действий, так и «невозможность и ложность точки зрения», на которой, по его мнению, Герцен в это время стоял.

Привлекает внимание в том же письме резко отрицательное отношение к планам Н. И. Сазонова, о которых дошли до Петербурга сведения, — относительно создания в Париже русского клуба и русского журнала для пропаганды. Взгляды, высказанные по этому поводу Кавелиным¹⁴, долго держались и у него, и у всего близкого ему круга москвичей. Они нашли выражение и в реакции Грановского и его друзей на появление в 1851 г. на французском языке книги Герцена «О развитии революционных идей в России», и в отношении к великому начинанию Герцена — основанию им в 1853 г. вольного русского книгопечатания за рубежом. Письмо Кавелина к Грановскому от октября 1853 г. показывает, что его восприятие начатого Герценом дела не разнилось от московско-либерального. «Вести из-за границы ты знаешь», — писал он и с достаточным основанием высказывал предположение, что эти вести подействовали на Грановского «так же, как и на нас здесь». «Я просто постарел от того, что читал и слышал», — очевидно, Кавелин частью успел познакомиться с первыми герценовскими изданиями, частью судил о деятельности Герцена по рассказам. Тот факт, что Кавелин сохранял полностью личную привязанность к Герцену («А всё при имени этого человека сердце бьется по-прежнему...»), не меняет ничего в характере политической позиции, занятой Кавелиным в 1853 г. Под влиянием кризиса, вызванного Крымской войной, затем усугубленного смертью Николая I, изменилось отношение Кавелина к вопросу о заграничной русской печати. Являясь одним из двигателей возникшей тогда в самой России рукописной публицистической литературы, он стал поддерживать и идею зарубежного печатания. В упоминавшемся «Письме к издателю» Кавелин высказался за «прямое, откровенное выражение русской мысли посредством печатной книги или статьи», издаваемой за границей¹⁵. Любопытно, однако, что на это он смотрел прежде всего с точки зрения «восстановления» прямых отношений «между царем и народом», — важно было, на его взгляд, чтобы русская мысль обратила на себя таким образом внимание царя. Позднее, во второй половине 1850-х годов, Кавелин положительно отзывался о деятельности Герцена по изданию «Колокола». Но он, как впоследствии подчеркивал В. И. Ленин, восторгался «Колоколом» «за его *либеральные тенденции*»¹⁶. Когда же Кавелин, как отмечает Ленин, восстал против конституции, революционной агитации, против призывов к «насилию», стал проповедовать терпение¹⁷, «Герцен по рвал с этим либеральным мудрецом»¹⁸.

История взаимоотношений Кавелина и Герцена существенна для понимания всего процесса размежевания между либерализмом и демократизмом в русском общественном движении. Публикуемые письма интересны и в данном разрезе, хотя их, конечно, нужно рассматривать не изолированно от всего большого комплекса источников, относящихся к затрагиваемой теме. Установившиеся у Кавелина и Герцена дружеские взаимоотношения продолжались довольно долго (около двух десятилетий). После смерти Николая либеральные колебания Герцена облегчали временно ту или иную степень сотрудничества. Однако уже и в 1840-х и в первой половине 1850-х годов Кавелина и Герцена разделяли очень глубокие, серьезные разногласия. Письма Кавелина к Грановскому ясно это подтверждают. Логика общественной борьбы в России, панические настроения, порожденные у Кавелина развитием революционного движения в стране, с одной стороны, и очищение (более или менее последовательное) политических позиций Герцена от либеральных колебаний, с другой, — должны были вырыть пропасть между Герценом и Кавелиным. И прежние друзья решительно, навсегда разошлись.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 203.

² «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 59.

³ «Из писем К. Д. Кавелина к графу Д. А. Милютину». Сообщ. Д. А. Корсаков. — «Вестник Европы», 1909, № 1, стб. 9.

⁴ К. Д. Кавелин и н. Собрание сочинений, т. II. СПб., 1898, стб. 895.

⁵ «Голоса из России», ч. I. Лондон, 1856, стр. 18—19.— Мы принимаем свидетельство Б. Н. Чичерина, что «Письмо к издателю», опубликованное за подписью «Русский либерал» в «Голосах из России» (ч. I), написано двумя авторами: Кавелиным (первая половина, до стр. 20-й «Голосов») и Чичериным (вторая половина). См. об этом в «Воспоминаниях Бориса Николаевича Чичерина»: «Москва сороковых годов». М., 1929, стр. 172, и «Путешествие за границу». М., 1932, стр. 66. Правда, Кавелин был крайне недоволен письмом Чичерина к Герцену в 1859 г., в котором Чичерин раскрыл авторов «Письма к издателю», и в своем письме к А. В. Станкевичу (от 7 августа 1859 г.) утверждал, что Чичерин унизился «до неблагородного поступка и до клеветы» (ГИМ, ф. 351, ед. хр. 68, лл. 52 об.— 53. Здесь и ниже сообщено Л. Р. Лавинскому и м). Но относится ли эти обвинения к самому факту принадлежности Кавелину первой половины «Письма к издателю»? Думаем, что факт этот не мог быть и не был просто выдуман Чичериным. Косвенное подтверждение нашего мнения можно усмотреть и в письме Кавелина к Герцену от 21 августа 1859 г., где Кавелин, уже знакомый со всеми обстоятельствами дела и объяснившийся лично с Чичериным, заявлял: «Чичерин человек ограниченный <...>, но человек он честный и добросовестный» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 13).

⁶ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14, стр. 216.

⁷ «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 4.

⁸ Там же, стр. 54.

⁹ «Так как оно было в конце июля, я предложил его назвать июльской революцией», — шутя замечал Герцен (Герцен, т. X, стр. 62). В свою очередь, Кавелин писал А. В. Станкевичу 7 августа 1859 г. о своем посещении Герцена: «Поездка в Лондон доставила мне много утешения, но и много горьких дум. А. И. тот же, но постарел <...> Теперь я спокоен, имея снова живой его образ перед своими глазами и исполнив долг дружбы» (ГИМ, ф. 351, ед. хр. 68, л. 52 об.). А в новом письме к Станкевичу, от 21 августа 1859 г., Кавелин утверждал: «Теперь связь <с Герценом> опять так же крепка, как была 12 лет тому назад, и это для меня невыразимое утешение» (там же, лл. 54 об.— 55). Ср. письмо Кавелина к самому Герцену, написанное после свидания: «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 11—12.

¹⁰ Характерны отдельные мысли Кавелина в письме к А. В. Станкевичу от 16 (28) июня 1859 г.: «Пребывание за границей, хотя и очень короткое, более и более убеждает меня в истине суда, произнесенного над Европой Герценом. Красные дни ее прошли. Начинается новая история (или, пожалуй, оканчивается старая), чужется новый мир, которого представителем не будет она, а какая-нибудь другая страна, может быть — мы. Заскорузлость старых форм, бессилие из них выбиться, рабство мысли при кажущейся свободе гражданской, свобода, являющаяся покровом для мелкого сибаритизма, — все это признаки начинающегося разложения и смерти. Нельзя не удивляться высокой образованности, разлитой во всех классах, но нельзя также не убедиться, что в этой образованности, лишенной животворящего начала, нет инициативы; а когда она есть, — посмотрите, на что она направлена: единственно на разрушение старых форм. Создающего — ничего нет, да и быть не может» (ГИМ, ф. 351, ед. хр. 68, лл. 51—52).

¹¹ «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 4.

¹² Там же, стр. 9.

¹³ «Голоса из России», ч. I, стр. 19—20.

¹⁴ Мы имеем в виду не частный вопрос о пригодности для руководящей роли в этих делах Сазонова — в этом пункте сомнения можно считать достаточно обоснованными. Но и мнение Кавелина о превосходстве Фролова или Евгения Корша было несомненно.

¹⁵ «Голоса из России», ч. I, стр. 15.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 13.

¹⁷ Ленин, в частности, имел в виду письмо Кавелина к Герцену от 7 (19) июня 1862 г., в котором Кавелин заявлял: «С тобой поступают несправедливо — терпи; твою правду пошрают бесправием — терпи; тебе кажется, что если ты ответишь силой против силы, то правое дело будет торжествовать: это горькое заблуждение, — терпи; тысячу раз терпи: зло само собою и скорее разлетится в прах, а ты останешься чист» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», стр. 79).

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 13.

⟨Петербург.⟩ 5 сентября ⟨1848 г.⟩¹

Голицын за мной просто ухаживает, как за хорошенькой женщиной; тридцать раз повторяет, что он желает для пользы Училища правове-дения иметь нас, а не других². Предложил место надзирателя, которого я однако не м(огу) принять, место временного преподавателя энциклопедии законоведения, за болезнью Штекгарда³, от чего я тоже отказался, потому что энциклопедия — не⁷ моя специальность. Все это делается и предлагается мне, чтоб меня примкнуть к Училищу, чтоб помочь мне в моих делах денежных и проч. И это не догадка, а прямо мне говорится. Таким образом, мое помещение в Училище более чем вероятно, но не прежде года, ибо моя кафедра откроется не ранее. Чтоб больше обеспечить мой успех, Голицын рекомендовал меня к принцу Ольденбургскому, к которому я являлся вчера⁴. Это человек лет 35-ти, монументальной глупости: ничего не знает, ничего не понимает, перемещивает предметы и бессмысленно повторяет чужие слова. Думаю, император австрийский не глупей его. После получасового объяснения я ушел от него с растерзанным и оскорбленным сердцем: представь себе, каково мне было слышать от немца пошлые ругательства Германии, эталаж* русских патриотических чувств; сравнительное законодательство нужно уничтожить в Училище: теперь в Германии и Европе Faustrecht**; приезжие сюда иностранцы — des aventuriers***. Я не верил своим ушам. «Да кто ж ты-то сам?», — думал я при каждом крепком словце Германии и иностранцам. Гнусно. Я ушел раздосадованный, несмотря на предложения. Всего отвратительней, что в этих возгласах в пользу России, патриотизма русского, в этих ругательствах Европе слышится очень явственно один камертон: власть Николая Павловича, ее сохранение и обеспечение во веки веков. Будь это истинно национальное движение — можно было бы с ним не соглашаться, но, по крайней мере, его уважать. Но покуда это движение в Петербурге — лицемерная интрига немецкой династии, прикрывающейся русским именем, и воскурение фимиама со стороны подлой дворни, парских холопов. Долго ли удастся им надуть таким образом целую страну, сильное государство, свежий на поприще истории народ, — нельзя решить. Но больно быть бессильным зрителем и свидетелем этой неловкой, шитой белыми нитками игры.

Ты знаешь, как я не терпел нашей так называемой народности в Москве. Надо было мне переехать в Петербург, чтоб стать русским патриотом сознательно. В самом деле, только здесь чувствуется вполне позор, унижение, постыдное рабство, в котором держит нас, несовершеннолетних, эгоистическая, выродившаяся, иностранная династия, прусско-солдатская, которой интерес один: усидеть возможно долго на своем месте. Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, — только убивает зародыши самостоятельной, национальной жизни. Хорошее что делается, — происходит помимо его, мало-помалу мы приспособляемся к нему, чтоб бить его его же собственным оружием.

В этом смысле патриотическая маска, надетая лицемернейшим из правительств и вдобавок самым невежественным, какое себе представить можно, может быть эксплуатирована в пользу истинного патриотизма. Они и мы будем разуметь розное; но наружность — та же. Например, ломать русскую историю на новый лад можно⁵: я забросил несколько

* выставку (от франц. «étalage»).

** кулачное право (нем.).

*** авантюристы (франц.).

благовидных слов об этом Голицыну, и он принял мои слова с большим, видимым удовольствием. Если неосторожность или сплетни мне не повредят, я буду иметь влияние в Училище: уже теперь некоторые из моих мыслей засели в голову Голицыну и отчасти отразились в распоряжениях по Училищу.

Грустно одно: нет официального знамени, под которое можно бы стать: нет точки соединения. «Отечественные записки», кроме того, что они все-таки более коммерческое, чем патриотическое, ученое и литературное предприятие, — трусят непомерно и скомпрометировались сильно статьей «Россия и Запад»⁶. «Современник» не имеет даже тех достоинств, которые имеют «Отечественные записки», но все его недостатки и еще несколько своих. Редакция невежественна и слишком несерьезна: она мелка до ничтожества; она не положительно подла, но и не положительно благородна; ее положение ложно. Она возникла с привычками гостинодворческими, под мыслью самого искреннего и благородного человека, каков был Белинский, и при участии людей, гнушающихся литературно-торговым ерыганством. И вышла редакция ни то, ни сё, бледная, несамостоятельная, бесцветная, которую раздергивают на стороны самые противоположные направления⁷. Панаев покончил свое литературное поприще. Тень убеждения, веры — исчезли⁸. Некрасов — человек страшно даровитый, но совершенно неприготовленный к делу и воспитанный в школе торгашества: он сам это чувствует и скрывает сколько можно эти стороны,⁹ но они прохватывают наружу, несмотря ни на что⁹. На днях составил он объявление о журнале. Мы с Тютчевым¹⁰ сказали ему, что в объявление нужно включить программу; что публика, либеральная партия и все серьезные умы потребуют от журнала объяснить, как он будет действовать теперь, когда на литературу наложены путы, ошейник раба, и европейские события изменили наше положение. Ему сначала не хотелось, — так мало понимают они, что такое журнал; потом предложил он мне написать программу. Я это сделал, как умел; положил на нее много душевной теплоты, убеждения, но вышла в руках редакции — дрянь. Прежде цензурной переделкой они подвергли ее своей, там урезали, здесь прибавили, что вовсе к ней не подходит, и вышла дрянь, ни то, ни сё¹¹. Единственная выгода — что я получу за это лампу на стол от Панаева и конторку от Некрасова. Потом мне предложили писать о Белинском: несколько хороших вещей я мог бы высказать об нем как лице, характере. Я было и согласился, но потом раздумал. Подведут опять под уровень ничтожества, пошлости, и выдет тоже дрянь. Я уж предпочитаю не писать ничего: набросаю вещь, как понимаю, и пришлю к вам при случае: это будет документом для будущей биографии нашего друга и благородного мученика либерализма в России¹².

С какой стороны ни посмотришь, — везде отсутствие характеров, какая-то стертость: дуется и бесится один Фр<олов>, про себя, и с ним-то мне всего легче¹³. Каждую минуту вспоминаешь с досадой, как неосторожно поступил Корш, отказавшись от редакции «Современника». Но что ж об этом вспоминать, испорченного не поправишь. Ты ему и не говори об этом: он на меня будет в претензии за эти вечные напоминания и рассердится, а я дорожу его дружбой и не хочу расшевеливать больного места¹⁴.

22 сентября.

Через три дня отправится отсюда Фролов и с ним это письмо. Я начал его нарочно пораньше, чтоб рассказать по свежим впечатлениям то, что хотел рассказать. Подошло письмо твое, любезный Грановский, и как все твои письма, настроило меня особенно, так что мне необходимо сказать тебе именно теперь еще хоть несколько слов. Прошу тебя об одном: держи мои письма про себя, показывай их только самым близким. Я боюсь

сплетен; они могут мне повредить в моих личных сношениях с теми и другими, с которыми наружно я хорош. Перед тобой я не скрываюсь, и мои письма — я сам.

И что мне тебя уверять, что твое последнее письмо меня обрадовало и утешило. Рад, что твои дела идут, хоть с внешней стороны, хорошо; но рад в тысячу раз больше, что твое нравственное равновесие и силы к тебе опять возвращаются. Ты живуч, Грановский, как и я; нас уморишь нравственно не скоро. Я счастлив, что ты опять попал в свою колею, не только занятий, но и жизни, тона, который ей заправляет. Перед тобой будущность, и деятельная и плодovitая для других.

Я не могу сказать того же об некоторых из наших друзей, и это меня и огорчает и мучит. Ты узнаешь от Анненкова, с которым я познакомился, что делает Герцен в Париже¹⁵: крепко боюсь, брат, чтоб друг наш, по опрометчивости, увлекательности, не скомпрометировал себя слишком и не закрыл для себя навсегда возможности делать свое дело у нас. На меня наводит тоску и желчь, когда я думаю об Герцене. Ты увидишь из писем его, что он еще развился, стал выше, благородней, если он мог только стать благородней: и в то же время ты увидишь, и еще больше узнаешь из рассказов, что он так вьелся в новую среду, что ему почти невозможно вынести ни нашей жизни, ни наших условий. Похоже на то, что он действует очертя голову. Что выйдет из всего этого — бог весть, только мне страшно подумать, что увлечение может навсегда оторвать Герцена от России, сделать его для нее бесполезным и ненужным, потому что он сам постарается и похлопочет поставить себя в такое положение. Я собираюсь писать к нему огромное письмо; обдумываю его, собираю все силы, какие есть во мне, чтоб дать ему почувствовать всю неосторожность его действий, всю невозможность и ложность точки зрения, на которой он стоит теперь. Призову на помощь всю мою любовь, дружбу, уважение к нему — авось-либо успею хоть немного, хоть заставлю его одуматься несколько.

Страшно, Грановский, делается, когда подумаешь, сколько сил нашей братья-славян тратятся попустому, сколько существований, успешных избежать Сибири и крепости, расстрачиваются даром. Натуры благородные, мало имеющие себе равных, приходят к концу деятельности к мучительному вопросу:

24 сентября.

К вопросу: что ж они сделали, что прибавили своим существованием к сокровищнице жизни 60 миллионов полудиких и невежественных людей, но все-таки людей? К чему послужили их гуманизм, их внутренняя борьба, их любовь к высшей правде, самоотвержение, развитость — словом, все богатство сил, ума, знания, все нравственные силы? Страшный вопрос! Для других мы не могли ничего сделать: наши прогулки по Европе не могли натурализовать нас там; а где мы могли действовать, там мы ничего не сделали? Что ж была вся жизнь? Не сном ли, не головной ли работой, которая опять и возвращалась в голову, не выливаясь в широту, бесконечность действительной жизни? Живительного, святого, что есть в убеждениях — их практическая сторона, польза для других, непосредственная или посредственная — все равно, любовь к ближнему и человечеству полная, в мысли и действии — всего этого мы не знали! Мы не испытали всей живительной радости, сладостного трепета, при виде, как семена, заброшенные верной рукой, с убеждением, приносили постепенно цвет и плод или шли к тому. У нас нет резигнации любви, готовности выикнуть в мелкие, на низкой степени стоящие требования нашей братии по плоти и крови, вслушаться в младенческий говор целого племени, к которому принадлежим, потом и кровью которого мы, однако, стали тем, что мы есть, — мы, умные и образованные, видящие далеко

вперед. Если никогда в нас не родилась твердая, непреклонная воля, решимость снизойти до его печалей и радостей и им симпатизировать делом, — наша космополитическая любовь — пустое слово, чванство пресыщенного знанием эгоизма, образованный, утонченный разврат и расщепление. Любовь налагает обязанности, которые можно опоэтизировать вообще, невозможно в частностях. Это тернистый и скучный путь любви к ближнему — особенно у нас. Практичность состоит не в отрицании всякого начала и определений и не в бессмысленном, малодушном или плутовском подчинении себя настоящему, окружающему, но в действительной горячей любви к человеку и ко всему, что может способствовать его нравственному преуспеянию в истории, в деятельной ненависти к тому, что надменно пляшет на его спине, во имя чего бы то ни было, не думая и не заботясь о нем. Не понимаю, как не видят многие, что принцип, какой бы он ни был, как бы он ни был свят и неоспорим, — ложь и нелепость, если он не уложен в данные условия, не одет в плоть и кровь, другими словами, если точно не измерены и не взвешены средства и условия, данные действительностью, в какой мере применим и какими путями может быть водворен, проводим, осуществим этот принцип. Стрелять по готовому рецепту в народ, приговором или действием — как мало в этом истинной человечности, истинной *fraternité!**

Говорят, Сазонов помышляет о русском клубе в Париже, о русском журнале для пропаганды¹³. И то и другое было бы возможно — если б можно было освежать и то и другое беспрестанно — новым приливом сил, текущих непосредственно из теперешней России, приливом людей, знающих теперешнее ее положение. Не говорю уж, что оба предприятия предполагают фактическое знание, возможное только в самой России, и не по книгам, а по живой наглядке, опытности, разговорам — в этой тюрьме, где мысль и правда не смеют явиться на свет божий и скрываются в потемках от татарско-диких преследований — нужно знать тон, который мог бы захватить за душу русских, сделать дело импозантным в глазах узаконенных палачей нашей несчастной страны. Революционные, общечеловеческие программы этого тона не заменят. Сколько он может и должен необходимо достигнуть своей цели, столько абстрактный либерализм может только погубить зачатки, вызвать новые крестовые походы против цивилизации в России; он будет бичом хорошего, доносом, по которому виновных покуда нетрудно отыскать, потому что их горсть, капля в море и все наперечет известны. Тона — не изобрести в Париже. Да я и не знаю, кроме тебя, Фролова, Корша, людей, которые были бы в состоянии дать этот тон, понять его силу и всю важность. А дай всем нам пожить вне России год, — ручаюсь наверное, что этот тон и в нас исчезнет, потому что каждый год приносит что-нибудь новое. Тем лишь-то поверю я в этом какому-нибудь Сазонову.

25-го.

Больше писать некогда. Прибавлю новости. Левашов умер; с ним падает влияние Муравьева (Михаила Николаевича), отстраняется надолго учреждение Департамента для уравнивания земских повинностей, в котором Арапетов должен был стать вице-директором, падает Министерство внутренних дел, потому что Левашова заменит Блудов, ненавидящий министра внутренних дел¹⁷. Арапетов нос повесил: мне его жаль. Оставаясь об нем того же мнения, как и прежде, я люблю его больше и больше¹³. Краевский, как рассказывают, получил изъявление высочайшего благоволения за статью «Россия и Запад», и чин статского советника. «Современник», кажется, хочет возобновить предложение Коршу: он может еще его принять благовидно. Подумай, Грановский, не лучше ли

* братства! (франц.).

ему переехать сюда. Тысячу общих и частных причин говорят в пользу этого, так что и Фролов начинает склоняться на то же. Плетью ни на чем не основанной настойчивости не перебеешь обуха безвыходного положения (денежного) Корша. Фролов будет говорить об этом с тобой, увидишь поближе, что и как, и напиши мне, чтоб я мог с своей стороны попробовать действовать на Корша, а я имею тысячу причин советовать ему оставить Москву и переехать в Питер. И ты, Грановский, подумай, и если увидишь, что мы правы, употреби свое влияние. Корш приносит себя в жертву своему — скажу прямо — отчаянию и совершенно частным отношениям. Дело и другие соображения — придирки, оправдания. Здесь ему будет лучше материально. — *Mes rapports intérieurs sont les meilleurs possibles**. Кое-как перебиваюсь, работаю и надеюсь, без усиленных трудов, обеспечить себе ежедневный кусок хлеба. Мои обыкновенные издержки в месяц, кроме платья, извозчика и т. д. — до 120 рублей серебром, в том числе квартира и дрова. 100 рублей в месяц я могу заработать легко. 50 рублей жалованья, сверх того, дают мне возможность уплачивать понемногу кричащие долги. Чтоб не забыть: Николай Павлович говорил недавно: «Когда я вспомню все, что мне говорили и советовали с разных сторон после Февральских дней, ужас меня берет: теперь ясно, что клеветами или страхами хотели меня заставить прибегнуть к мерам, совершенно ненужным». Наследник упрекал его в том, что он либерал, слишком радикально действует. Это чрезвычайно важно. Итак, Николай Павлович является у нас прогрессистом, некоторым образом Прудоном или Робеспьером. Этим все сказано.

Поклонись друзьям. Царство Блудова, этого лакея, обрызганного кровью декабристов, его друзей и единомышленников не предвещает ничего доброго¹⁹. *C'est l'avènement de Joukowsky, de prince Wiasemsky, de Schomiakoff etc, etc au pouvoir***. Посмотрим, что будет далее. Цензурный устав, кажется, не изменится, и останется цензура при университетах. Поговаривают об уничтожении чинов. Кажется, страх теперь проходит мало-помалу, и черкают уж не так безобразно, что печатается, как прежде. Ну, прощай. Будь здоров и — главное — бодр и свеж. Ты нужен не одним своим друзьям, но России: береги себя. Завидую вам, что вы отнимаете у нас Фролова, с которым я, однако, спорю обо всем на свете. Я не согласен с ним, а люблю его очень. Москва, может быть, приблизит его образ мыслей к нашему. Жму тебе руку. Дружеский поклон твоей жене.

¹ Первое из публикуемых писем Кавелина (1818—1885) относится, как вполне ясно из его содержания, к 1848 г. Оно написано в несколько приемов, между 5 и 25 сентября, то есть после того, как Кавелин окончательно переселился в Петербург из Москвы, где в 1844—1848 гг. он с большим успехом вел преподавание на юридическом (главным образом) факультете Московского университета. Переезд Кавелина из Москвы в Петербург состоялся в связи с его демонстративным выходом из Московского университета, вызванным известной «Крыловской историей» (о ней см., например, у Чичерина: «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов», стр. 61—62). История эта непосредственно была связана с личными и семейными отношениями профессора Н. И. Крылова, но она, несомненно, имела и заметную общественную подкладку. В неопубликованном письме к министру народного просвещения С. С. Уварову от 24 июля 1848 г. Кавелин указывал, что Крылов, желая оправдаться перед начальством, старался придать своей домашней истории и ее последствиям характер интриги, задуманной «вредной и опасной партией, будто бы преследовавшей в нем ревностного представителя и поборника начал, освященных историей и существующими законами» (ГИМ, ф. Уварова, ед. хр. 41/166). Против действий Крылова, порочащих профессорскую коллегия в нравственном и общественном отношении, выступал, среди других, и Грановский. Грановский также подавал в отставку, но не был по формальным обстоятельствам отпущен. — Отметим, что в фонде Грановского хранится, помимо публикуе-

* Мои внутренние отношения находятся в наилучшем положении (франц.).

** Это приход к власти Жуковского, князя Вяземского, Хомякова и пр. и пр. (франц.).

мых здесь, еще пять писем Кавелина личного характера, не представляющих научного интереса.

² Кавелин посвящает начало письма своим попыткам устроиться преподавателем в Училище праведения.— Николай Сергеевич Голицын (1809—1892), армейский деятель, военный историк, недолго — в 1848—1849 гг.— состоял директором Училища праведения. Быстрое окончание его директорской карьеры было связано с пронавившимися в училище антиправительственными настроениями, отчасти вызванными влиянием революции 1848 г. и дела петрашевцев.

³ Генрих-Роберт Штеггардт — немецкий ученый, работавший в 1830—1840-х годах в России. Был в Училище праведения профессором энциклопедии права и сравнительной юриспруденции. Умер в 1848 г.

⁴ Принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812—1881), внук Павла I, племянник Николая I, один из видных сановников в царствование Николая I и Александра II, являлся с основания (в 1835 г.) Училища праведения его «августейшим» почитателем. Политической характеристикой принца может служить рассказ Никитенко, которому он, по словам известного мемуариста, не мог простить появления на официальном торжестве в черном галстуке вместо белого, в чем был усмотрен Ольденбургским признак опасного свободомыслия (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. I. Гослитиздат, 1955, стр. 353).

⁵ Кавелин, по-видимому, имел здесь в виду освещение русской истории в духе воззрений историко-юридической (или «государственной») школы, одним из главных основателей которой он являлся. Менее чем за два года до описываемых событий Кавелин опубликовал в «Современнике» свой известный «Взгляд на юридический быт древней России».

⁶ Статья самого редактора-издателя «Отечественных записок» А. А. Краевского «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» была напечатана в июльской книжке журнала 1848 г. Она, действительно, вызвала (как отмечает ниже в своем письме Кавелин) изьявление «высочайшего благоволения» (М. К. Л е м к е. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2. СПб., 1909, стр. 196), ибо, безмерно напуганный «внушением» и прямыми угрозами со стороны власти, беспринципный и приспособляющийся редактор, с полного одобрения III Отделения, опубликовал статью, написанную в сугубо-охранительном, погодинско-шевыревском духе — с самым резким противопоставлением западного «безначалия со всеми своими ужасными последствиями» и российского «мира и спокойствия со всеми своими благами». Прославляя порядок, господствующий в николаевской России, Краевский утверждал, что «летописи мира не представляют подобного величия и могущества, и счастье быть русским есть уже диплом на благородство посреди других европейских народов». Заслуживает внимания свидетельство Кавелина, что «Отечественные записки» «скомпрометировались сильно» статьей Краевского (конечно, — в общественном мнении).

⁷ Нет необходимости полемизировать с отзывом Кавелина о «Современнике», оставшемся и после смерти Белинского, в обстановке жесточайшей реакции (об «ошейнике раба», наложенном на литературу, говорит сам Кавелин) все-таки относительно лучшим русским журналом. В незначительной степени оценка Кавелина была отзвуком той двойственной позиции в отношении «Современника», которая еще при Белинском была занята всем московским кружком Грановского, Боткина, Кавелина и других, которых Белинский в письме к В. П. Боткину от 4—8 ноября 1847 г. назвал: «наши московские друзья-враги» (Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 415) *.

Кавелин печатался и в «Современнике», и в «Отечественных записках». 12 сентября 1848 г. (стало быть, одновременно с комментируемым письмом) Некрасов сообщил И. С. Тургеневу: «Кавелин перебрался теперь сюда на службу и усердно работает для „Современника“» (Н. А. Н е к р а с о в. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, стр. 116).

⁸ Дальнейшая деятельность И. И. Панаева (особенно при Чернышевском и Добролюбове, оказавших на него исключительно благотворное влияние) вовсе не оправдала мрачного суждения Кавелина («шокопчал свое литературное поприще»). Впрочем, даже Белинский, признаваясь в своей любви к Панаеву, в котором он находил «что-то доброе и хорошее», полагал в 1847 г., что Панаев-беллетрист «уже выписался» (письмо к И. С. Тургеневу от 1/13 марта 1847 г.— Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 346).

⁹ Признание даровитости Некрасова характерно в устах Кавелина. Кавелин и позже, как отмечено, например, в воспоминаниях Пантелеева, «поклонялся» таланту Некрасова (Л. Ф. П а н т е л е е в. Из воспоминаний прошлого. М.— Л., 1934, стр. 127). Но к личности Некрасова он питал, подобно своим товарищам по московскому кружку Грановского (и самому Грановскому в том числе), достаточно необоснованное

* Справедливости ради следует отметить, что и Герцен осенью 1848 г. выражал в своей переписке резкое недовольство «Современником». Обращаясь к московским друзьям, он писал: «Я полагаю, сблизиться с „Отечественными записками“ благоприятнее, а еще благопристойнее ни с кем не иметь литературных дел, а писать для вас...» (Г е р ц е н, т. V, стр. 244). Однако Герцен мог не иметь еще вполне ясного представления об условиях, в каких выпускался в то время «Современник».

предубеждение, нашедшее выражение и в данном письме. Широко известные письма Белинского к Кавелину, Тургеневу и др. свидетельствуют о том, что он, хотя и считаясь с теми или иными личными недостатками Некрасова, неизмеримо глубже и справедливее оценивал его и, между прочим, самым решительным образом протестовал против сближения Некрасова и Краевского, допускаясь Кавелиным и Грановским (Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 458). К вопросу об отношении к Некрасову, к «Современнику» и «Отечественным запискам» 1840-х годов Кавелин возвращается в своих «Воспоминаниях о В. Г. Белинском», перепечатанных в последний раз в сб. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948.

¹⁰ Николай Николаевич Тютчев (1815—1878) — один из близких друзей Кавелина, служивший по разным ведомствам (дольше всего — по Департаменту уделов); в 1840-х годах был одним из основных участников кружка Белинского в Петербурге; оставил воспоминания «Мое знакомство с В. Г. Белинским» (перепечатаны в названном выше сб. «Белинский в воспоминаниях современников»). Кавелин посвятил Н. Н. Тютчеву некролог и речь (1879), вошедшие впоследствии в его «Собрание сочинений» (т. II, стб. 1233—1237).

¹¹ Объявление «Об издании „Современника“ в 1849 году» в том виде, в каком оно, в конечном счете, вышло из рук Некрасова и Панаева, см. в Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. XII. М., 1953, стр. 119—126. Указание редакции тома, что объявление в таком виде печатается впервые, — неточно. 30 сентября 1848 г. объявление появилось в «Московских ведомостях» (№ 118, стр. 1073—1074). Цензурное запрещение, о котором говорится в комментариях т. XII (стр. 417), последовало, таким образом, лишь после того, как объявление уже стало достоянием части читателей. Предположение В. Е. Евгеньева-Максимова («„Современник“ в 40—50-х гг.». Л., 1934, стр. 298), что редакторы «Современника», опубликовав объявление в газетке, преднамеренно не напечатали его в собственном журнале и тем совершили акт «гражданского мужества», оказывается неосновательным: объявление для журнала просто не было допущено властями. Объявление, хотя и не устроившее цензурное ведомство, которое потребовало «исключения некоторых неуместных подробностей и рассуждений»*, бесспорно было выражением готовности редакторов «Современника» пойти формально на идейные компромиссы ради сохранения журнала. С. А. Венгеров еще в 1880-х годах не без основания говорил по поводу этого объявления, что «тут было одно лишение, желанье <мы сказали бы именно — готовность, готовность скрепя сердце.— Ш. Л.> присесть к тем сторонам славянофильства, которые пользовались наибольшим благоволением подлежащих ведомств» (С. А. Венгеров. История новейшей русской литературы (от смерти Белинского до наших дней), ч. I. Конечные годы дореформенной эпохи (1848—1855). СПб., 1885, стр. 147). В самом деле, в объявлении шла речь о том, что «теперь» очевидной стала «истина», что мир славяно-русский и мир романо-германский — «два совершенно особенные мира, неслиянные», что у России свое назначение, своя особенная дорога и свои особенные средства. Подобное заявление в обстановке 1848 г. имело определенный смысл отмежевания от революционного движения «романо-германского» мира. Это подкреплялось ссылкой на то, что окончательно получившие право гражданства «чувство народной самостоятельности» и «историческое, практическое разумение» были подготовлены «совокупными усилиями правительства и частных лиц» в «последнее двадцатилетие», другими словами — при императоре Николае. Из комментируемого письма Кавелина видно, что сама идея программного объявления была подсказана Некрасову и Панаеву Кавелиным и Н. Н. Тютчевым. К сожалению, невозможно пока определить, какие моменты в редакторской «переделке» вызвали негодование Кавелина и как выглядела идейно-политическая сторона объявления в том варианте последнего, который вышел из-под пера самого Кавелина. Грановскому некрасовско-панаевский вариант стал известен в ближайшие же недели или дни из «Московских ведомостей».

¹² Видимо, Кавелин не писал специально о Белинском до 1874 г., когда по просьбе А. Н. Пыпина, работавшего над монографией о Белинском, он написал упоминавшиеся выше воспоминания, использованные Пыпиным, а позднее вошедшие, в полном виде, в III том Собр. соч. Кавелина. В 1875 г. Кавелин напечатал в «Неделе» в качестве «Письма к А. Н. Пыпину» статью «Белинский и последующее движение нашей критики», в которой пытался занять позицию, среднюю между расходящимися в некоторых отношениях Тургеневым и Пыпиным. Кавелин формально признавал (в 1870-х годах) преемственную связь между Белинским и критикой последующих «представителей отрицательного направления», то есть Чернышевским, Добролюбовым и т. д. Тем не менее, он стремился по возможности преуменьшить эту связь, доказывая, будто «новое движение русской литературы» продолжало Белинского «односторонне» (К. Д. К а в е л и н. Собр. соч., т. III, <1899>, стб. 1099—1114). Другими словами, он хотел приблизить Белинского к либерализму. Но когда Кавелин в 1848 г. в письме к Грановскому име-

* В то же время, как указывал В. Е. Евгеньев-Максимов, «изложенное в объявлении „новое направление“ журнала было признано цензурными властями „весьма благонамеренным“» (указ. соч., стр. 298).

човал Белинского благородным мучеником «либерализма» в России, он мог, конечно, иметь в виду не либерализм в собственном значении слова (в качестве определенного политического направления), а в очень широком смысле, подчас ему тогда и еще позднее придаваемом, то есть в смысле совокупности идей и настроений, противоположаемых реакции, обскурантизму, отсталости и пр.

¹³ Имя Фролова неоднократно и ниже упоминается у Кавелина. Николай Григорьевич *Фролов* (1812—1855), географ, последователь Александра Гумбольдта и Риттера, переводчик «Космоса» Гумбольдта, издатель (с 1852 г.) географического сборника «Магазин земледения и путешествий». В Берлине, где Фролов долгое время жил (в 1830—1840-х годах), он тесно сошелся с Н. В. Станкевичем, Грановским и др. В Москве он принадлежал к кругу Грановского — Боткина — Корша. Грановский и Кавелин исключительно высоко ценили Фролова; Грановский в письме к Герцену от 25 августа 1849 г. признавался, что в дружбу к Герцену, Огареву и Фролову ушли лучшие силы его души («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 96). Высокая оценка заслуг Фролова Грановским нашла выражение в написанном им некрологе «Несколько слов о покойном Николае Григорьевиче Фролове» в т. IV «Магазина земледения и путешествий» (Сочинения Т. Н. Грановского. Изд. 4. М., 1900, стр. 572—577). Несомненно, что мнение Грановского и Кавелина о качествах Фролова и его ученых достижениях было сильно преувеличенным. Злую характеристику Фролова дал в 1847 г. Белинский (в письме к Кавелину): «Фролов человек умный, но ум его поражен хронической болезнью, не то насморком, не то запором» (Белинский, т. XII, стр. 435). — О «Магазине земледения», выпускавшемся Фроловым, благожелательно отзывался впоследствии Чернышевский в «Современнике» (Чернышевский, т. II, стр. 614—624).

¹⁴ Евгений Федорович *Корш* (1810—1897) — журналист и переводчик, был очень близок к Грановскому и Кавелину (женатому на его сестре), к Герцену и Огареву. В 1840-х годах Корш редактировал газету «Московские ведомости». От этой должности он отказался в связи с крыловской историей (см. письма Огарева к Герцену в «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 772, 773), после чего велись переговоры с Некрасовым и Панаевым относительно его участия в редакции «Современника». Грановский, будучи в июне 1848 г. в Петербурге, писал жене: «Пока между нами, на Панаева и Некрасова Коршу нельзя много полагаться»; через несколько дней Грановский ей же сообщил, что он везет Коршу письмо от «Современника», но должен ему многое объяснить лично: «Без моих объяснений он мог бы вступить в ложные отношения к редакции» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 276, 278). Судя по письму Кавелина, Корш, в конце концов, сам отказался от «редакции» «Современника», к немалой досаде Кавелина. Впоследствии Корш оказался одним из тех бывших друзей Герцена — Огарева, которые раньше других и притом особенно далеко отошли от них и прямо приложили свои руки к литературно-политической травле Герцена. В 1862 г. Герцен называл Корша и Н. Х. Кетчера «догнивающими трупами чего-то близкого», «клеветами Чичерина, приятелями Павлова» (Н. Ф.), абсолютистами, заставляющими его «краснеть за блное» (Герцен, т. XV, стр. 473).

¹⁵ В начале сентября 1848 г. П. В. Анненков прибыл в Петербург из Франции, где он был свидетелем событий революции 1848 г. Близкий знакомый Герцена, Анненков постоянно встречался с ним в Париже в течение революционных месяцев. Взгляды демократа и утопического социалиста Герцена и либерала Анненкова на происходящее были весьма различны, и в письме, непосредственно адресованном Грановскому и Коршам, которое Анненков привез в Россию, Герцен предостерегал друзей от слишком доверчивого отношения к «повествованиям» Анненкова (т. V, стр. 235). Анненков доставил в Россию и отрывки будущей книги «С того берега» или «Писем из Франции и Италии»; с этими отрывками, как видно из комментируемого письма, имел возможность познакомиться Кавелин.

¹⁶ Николай Иванович *Сазонов* (1815—1862) — публицист; в 1830-х годах участник герценовского студенческого кружка в Москве, в 1840—1850-х годах — один из видных представителей русской эмиграции (см. о нем в публикациях: Б. П. Козмина — в «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 178—252, и Н. Е. Застенкера — «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 522—545). Герцен относился к деятельности Сазонова в Париже в 1848 г. достаточно скептически, что видно хотя бы из письма его в Россию к друзьям от августа 1848 г. («А. И. Герцен. Новые материалы. К печати подготовил Н. М. Мендельсон». М., 1927, стр. 48). Не без иронии пишет Герцен в «Былом и думах» (в очерке, посвященном Сазонову) об участии Сазонова в *международном клубе*, который, по словам Герцена, Сазонов «завел» летом 1848 г. (Герцен АН, т. X, стр. 329; ср. стр. 497). Сведения о планах Сазонова относительно *русского клуба* и *русского журнала* для пропаганды, вероятно, дошли до Кавелина через Анненкова.

¹⁷ 23 сентября 1848 г. умер генерал-адъютант граф В. В. Левашов (в прошлом участник расправы над семеновцами, затем над декабристами, незадолго перед тем (в конце 1847 г.) назначенный председателем Государственного совета и Комитета министров. Вопреки предсказанию Кавелина, Левашова сменил не Блудов, а князь А. И. Чернышев (Блудов занял это место позднее, в 1861—1862 гг.). — Министром внутренних дел был в 1840-х и начале 1850-х годов Л. А. Перовский. — Михаил Николаевич

Муравьев — печально известный Муравьев-вешатель, в 1840-х годах — директор Департамента податей и сборов, директор Межевого корпуса, сенатор.

¹⁸ Иван Павлович *Арапетов* (1811—1887) — товарищ Герцена по Московскому университету, потом видный чиновник; участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. (член Редакционных комиссий). В 1840—1850-х годах вращался в литературном кругу Петербурга, был хорошо знаком с Некрасовым, Тургеневым, Кавелиным и др. К 1854 г. относится эпиграмма Некрасова и Тургенева «Загадка», едко высмеивающая Арапетова («Друг мыслей просвещенных, чуть-чуть не коммунист, удав для подчиненных, перед Перовским — глист» и т. д.) (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. I. М., 1948, стр. 424).

¹⁹ Кавелин вспоминает роль Д. Н. Блудова в качестве делопроизводителя Следственной комиссии по делу декабристов и составителя ее известного Допесения. Следующая фраза свидетельствует, что Кавелин опасался тогда возможного — в случае назначения Блудова — влияния славянофилов, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского и т. д. Позднее, после смерти Николая I, Кавелин несколько по-другому отзывался о Блудове как одном из последних представителей времени Александра I, которых он противопоставлял деятелям николаевского царствования: «Не бог знает как густы граф Киселев и граф Блудов, а я просто боюсь, когда вспоминаю, что им обоим за семьдесят; за ними идут Долгорукие, Норовы, Броки, Панины, Анненковы, Ростовцовы» (письмо к М. П. Погодину от 17 марта 1856 г. — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14, стр. 211).

2

С.-Петербург. 18 октября <1853 г.>

Гранушка! Пикулин¹ просит меня возвратить 300 рублей, которые я взял из денег Кетчера. Это меня поставило совсем в тупик. Я взял деньги до декабря и рассчитывал просрочить еще месяц, т. е. до января, когда получу деньги *наверное*, в награду по Комитету. Сделай милость, попроси Пикулина подождать, если это только возможно. Ей-ей, мне заплатить теперь решительно не из чего. Хотел отвечать самому Пикулину, да не знаю его имени и отчества, без чего писать никак нельзя.

От тебя ни слуху, ни духу. Слышал от Д. Милютина, что ты был болен и что ты поправился. Первая весть нас сильно напугала, тем более, что успокоительные известия доставлены гораздо позднее, чем Милютин думал. Будешь ли ты к нам? Как бы хотелось обнять тебя здесь. Время свободное теперь есть, и можно бы видаться каждый день, не боясь, что дома тебя ожидает пакет с надписью *нужное*. Служба самая приятная, насколько она может быть приятна². Дела не очень много, и не болит от него ни голова, ни поясница. Я было уже принялся опять за свои старые работы, да помешал раздел. Со старшим братом никак пива не сварить. Сутяга такой, что страх! Жду с нетерпением конца раздела, чтоб покончить с этим господином раз навсегда. Он мне опротивел своими придирками и низкими штуками. По-видимому, мне быть владельцем самарского имения, я этому душевно рад, потому что можно будет привести в исполнение разные мысли свои относительно деревенского управления с наименьшими жертвованиями. Притом и самое имение может и должно со временем принести много дохода³.

Живу я очень уединенно и редко с кем вижусь. Читаю понемногу. Теперь читаю М. историю Англии⁴. Чудо что за книга! Она стоит своей репутации. Лучшие минуты доставляет мне эта книга и это чтение.

С Панаевым и Арапетовым не кланяюсь. С последним — за личности, нимало не отвергая его достоинств. Я нахожу этого человека очень приятным и достойным всякого уважения, когда с ним не кланяюсь и не знаю. Панаева не знаю после известных его статей. *Ses excuses**, напечатанные после пасквиля, *sont pires que l'offense***. Считаю его за большого негодяя, скрывающегося под личиною наружного добродушия⁵. С Николаем Милютиным и Д. Милютиным очень хорош, по-прежнему⁶. Последний имел

* извинения (франц.).

** хуже, чем оскорбление (франц.).

несчастье потерять сына, мальчика 2-х лет. Это его сильно опечалило, особенно потому, что мальчик страшно страдал.

Огарев после приезда милой своей половины написал мне пренелепую записку и после того не был у меня до отъезда. Перед самым отъездом зашел раз на минутку. Горько, что бабы могут так вертеть такими людьми, как Огарев! Дражайшая половина его объявила, что она не запрещает ему (?!) ходить ко мне, но видеть меня не желает, потому что я оттолкнул от себя ее отца. Вот какую тяжкою ценою я купил отчуждение от негодея. Самое горькое и тяжелое для меня во всем этом — это расхождение наружное с Огаревым. А нельзя не любить его. Редкое сердце и неистощимое добродушие. Он гораздо лучше, живее Тентетникова, хотя тип тот же. Горестно, страшно горестно⁷.

Вести из-за границы ты знаешь: думаю, что они на тебя подействовали так же, как и на нас здесь. Я просто постарел от того, что читал и слышал. А все при имени этого человека сердце бьется по-прежнему, как-то необыкновенно, как не бьется вообще⁸. Каждый день отрывает по листику из дерева, которое прежде зеленело так роскошно. Вместе с волосами в голове недосчитываешься многих друзей и многих свежих чувств и надежд. С каждым днем теряю бодрость духа, хандрю невыносимо и все больше и больше ухожу в себя. Одному, в совершенной пустоте как будто легче и покойнее. Может быть, еще мое счастье, что я должен зарабатывать деньги, чтоб жить и не изнемогать под долгами. Не будь этого, будь свой угол, я бы давно все бросил и похоронил бы себя где-нибудь в деревне. А было ли бы это лучше? Только усиленные занятия спасают от совершенного распада с самим собой, или, скорее, внутри самого себя.

Слышал ли ты, что Тургенев разошелся, наконец, с Тютчевым и последний едет в Петербург искать место?⁹ Что все это значит — не понимаю! Что этот бедный будет здесь делать? История его слишком разгласилась, чтоб кто-нибудь его взял! И какое место можно получить вдруг, не служа? Чин же его не крупный. Боюсь я за него крепко, а рекомендовать? Как же его рекомендовать после двухсмысленных его поступков! Это тоже из похороненных друзей. Горестно об нем подумать!

Прощай, друг! Обнимаю тебя, поцелуй ручку у Елизаветы Богдановны. Будь здоров и помни меня.

К. К а в е л и н

P. S. Жена тебе кланяется. Детки мои мне доставляют много радости, особенно Митя. Славный выходит он мальчик и неглупый. Боюсь только, что он что-то скучает и бледен. К росту ли это или оттого, что он развивается не по летам? Последнее меня очень заботит. Трепещу за него, потому что для него только, кажется, и живу. Иначе жизнь моя — совершенная бессмыслица.

Корш скучен, хотя дела его не так-то дурны. Бездельника Надеждина поразила апоплексия, как ты, конечно, знаешь, которая сделала его неспособным широко вещать, подличать, делать мерзости всякие и пакостить по-чиновничьи Коршу. Вероятно, его министр долго держать у себя не будет. Еще месяца полтора-два, и его место займует Корш. Душевно буду этому рад, потому что это даст ему, по крайней мере, вздохнуть немного. Что с ним делал этот негодяй — нельзя себе представить¹⁰.

Обними за меня Кетчера, Фролова и всех друзей.

Слухи об войне все те же, что и у вас, но верно как-то никто ничего не знает¹¹. Кажется, однако, что миром не обойдется. У нас из гвардейского корпуса отправляются в действующую армию из полков пехотных по 3, а из кавалерийских по одному обер-офицеру. Охотников много, и между ними мечут жребий. Англичане, по слухам, идут на попятную. Потери торговые от войны для них были бы неисчислимы, а что станет

делать Турция одна? Впрочем, теперь о войне у нас говорят гораздо меньше, может быть потому, что столоверчение до сих пор еще сводит с ума многих. Точно век Аполлония Тианского! Самые здравомыслящие, по-видимому, люди порют такую дичь, что ушам своим не веришь, как все это вменяется в голову. Интересное время!*

¹ Павел Луквич *Пикулин* (1822—1885) — врач, адъюнкт Московского университета; был тесно связан с кругом Грановского; пребывание его в Лондоне у Герцена в середине 1855 г. оставило небольшой, но яркий след в «Былом и думах» и переписке Герцена.

² После переезда в Петербург Кавелин служил с 1848 по 1850 г. редактором в городском отделе Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1850—1853 гг. — начальником воспитательного отдела штаба главного начальника военных учебных заведений, в 1853—1857 гг. — начальником отделения в канцелярии Комитета министров.

³ Кавелин стал владельцем имения в Новоузенском уезде Самарской губ., в 60-ти верстах от с. Балаково — хлебной пристани на Волге. «Имение это, — писал Кавелин в 1861 г. — муравейник, всего 78 ревизских крестьянских душ, поселенных на участке в 4200 десятин» (К. Д. К а в е л и н. Собр. соч., т. II, стб. 692).

⁴ Кавелин, несомненно, говорит об «Истории Англии» буржуазно-либерального историка Томаса Маколея, запрещенной в России в ту пору (см. «Записку о письменной литературе» в «Голосах из России», ч. I. Лондон, 1856, стр. 44—45).

⁵ Под пасквилом Кавелин разумеет выпад, по существу личного характера, против Н. Г. Фролова (в панаевском тексте по имени не названного), содержащийся в фельетоне Панаева «Канун нового, 1853 года» в январской книжке «Современника» 1853 г. (Отдел «Смесь», стр. 99—100). Очень болезненно реагировал на выходку Панаева Грановский. В письме к Е. Ф. Коршу от начала 1853 г. он требовал прекращения всяких литературных отношений с «Современником»: «Наши имена не должны являться в этом журнале», — писал он («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 468). Как видно из комментируемого письма Кавелина, он вполне разделял возмущение Грановского. Впоследствии Грановский примирился с Панаевым. Весь эпизод едва ли не следует рассматривать как показатель известного упадка литературных нравов в тяжелое время реакции начала 1850-х годов. См. также «Литературные воспоминания» И. И. Панаева (гл. V части второй и Примечания).

⁶ Кавелин говорит о своей близкой дружбе с братьями Милютинными — Николаем Алексеевичем (будущим руководящим деятелем реформы 1861 г.) и Дмитрием Алексеевичем (будущим военным министром).

⁷ Алексей Алексеевич *Тучков* (1800—1879) — отец Н. А. Тучковой-Огаревой, человек сравнительно прогрессивных убеждений, ценимый и уважаемый Герценом и Огаревым, однако отнюдь не пользовавшийся симпатиями со стороны Грановского и других представителей его круга. Это отношение, как ясно видно из письма Кавелина, разделял и последний, доводя даже, быть может, его до крайности.

В 1853 г., после смерти первой жены Огарева, Марии Львовны, Огарев и Н. А. Тучкова приехали в Петербург и там обвенчались. Об этом их пребывании в столице и говорит Кавелин. Следует заметить, что в своих мемуарах Н. А. Тучкова дает о Кавелине в высшей степени благожелательный и сочувственный отзыв и о размолвке с ним не упоминает (Н. А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания. Л., 1929, стр. 99).

⁸ Кавелин говорит здесь о Герцене. «Вести из-за границы» — начало деятельности лондонской типографии. См. предисловие к настоящей публикации.

⁹ Н. Н. Тютчев в 1852—1853 гг. управлял в течение примерно 1½ лет имением И. С. Тургенева. Согласно воспоминаниям А. Я. Панаевой, Тургенов находил, что Тютчев «набаловал» крестьян и действовал как человек, как будто задавшийся целью «разорить» его (А. Я. П а н а е в а. Воспоминания. М., 1948, стр. 229—231).

¹⁰ Николай Иванович *Надеждин* (1804—1856) — литератор, критик, этнограф, бывший профессор Московского университета и редактор «Телескопа», пострадавший за опубликование «Философического письма» Чаадаева. С начала 1840-х годов являлся редактором «Журнала Министерства внутренних дел». Его в тот период упрекали, с достаточным основанием, в приспособленчестве, угодничестве перед реакционной властью (в частности, за составление секретных изданий, направленных к оправданию преследований раскольников). Е. Ф. Корш одно время состоял при том же «Журнале Министерства внутренних дел»; как вспоминает Панаев, он заведовал журналом с тех пор, как Надеждин был разбит параличом (И. И. П а н а е в. Литературные воспоминания, стр. 367). — Кавелин был связан с Надеждиным по Географическому обществу (совместное редактирование «Этнографического сборника»).

¹¹ Речь идет о начинавшейся тогда Восточной (Крымской) войне 1853—1856 гг.

* Конец письма, по-видимому, не сохранился. — *Ред.*

⟨Петербург.⟩ 4 марта 1855 года¹.

Любезный друг. С... привез мне досадную весть, что твоя поездка опять отложилаь на неопределенное время². Горько мне было узнать об этом, особливо о том, что ты нездоров. Выздоровливай скорей и приезжай скорей. Тебя ждут распростертые объятия твоих друзей, к которым я ревную тебя,— так ты всем надобен. Елена Павловна несколько раз меня спрашивала, скоро ли ты будешь. Тебя и тут даже ждут³.— Такие большие дела приключились, брат, у нас под носом, что и не знаешь, как подступит к их рассказу. Верный ли буду рассказчик — не знаю. Отрицательная радость моя, желчная, ядовитая, по случаю перемены, так велика, что, может быть, я и увлекаюсь. Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I,— это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы — околел, наконец, и это сущая правда! До сих пор как-то не верится! Думаешь, неужели это не сон, а быль? Я видел его погребальную процессию из Дворца в крепость, где он сгноил и обезумил столько людей и где бы ему приличнее было бы жить, чем лежать после смерти,— процессию беспорядочную, в шубах и шинелях, такую же бессмысленную, как все его царствование,— и все-таки до сих пор не могу еще прийти порядочно в себя! Если б настоящее не было так странно и пасмурно, будущее так таинственно загадочно, можно было бы с ума сойти от радости и опьянеть от счастья. Экое страшилище прошло по головам, отравило нашу жизнь и благословило нас умереть, не сделавши ничего путного! Говори после этого, что случайности нет в истории и что все совершается разумно, как математическая задача. Кто возвратит нам назад тридцать лет и призовет опять наше поколение к плодотворной и вдохновенной деятельности! Какому Ваалу нового времени принесены в жертву лучшие силы, цвет и надежда России? Когда-то соберутся новые? Еще генерация*, выросшая и воспитанная под самой несчастной звездой, лишенная энергии, идей, чести, только с виду носящая человеческий образ, должна пройти, пока выйдет что-нибудь путное. Пусть кто хочет верит в благость провидения, думая обо всем этом. Хорош главнокомандующий, у которого могут быть такие начальники штаба, каков был в бозе почивающий!

Вы уже много подробностей знаете и печатно и словесно, и я боюсь обременить вас излишними повторениями. Надежды «оставить Россию благоустроенной и счастливой» à sa façon**—пропечатаны; плевков d'outré tombe***, посланный России в последних словах гвардии, армии и флоту — этот букет державной мысли, le mot de l'énigme**** 30-летнего «благополучного» царствования вы тоже видели⁴. Прибавлю ненапечатанное.

В самый день смерти он допустил к себе в 10-ть часов утра начальников дружин С.-Петербургского ополчения: велел отворить двери комнаты, в которой лежал, или подойти к дверям и их видел. Никто не запомнит и в частном быту смерти, столько спокойной, сознательной; все он предумал, предвидел, со всеми простился, обо всем сделал свои распоряжения, до последних мелочей. Ему хотелось, чтоб после него ни одна дружинка, ни малейшее колеско в заведенной им машине не перестало и

* поколение (лат. «generatio»).

** на его манер (франц.).

*** из-за могилы (франц.).

**** разгадку (франц.).

после него идти точно таким же порядком, как шло при нем. Он готовился к смерти как будто отправляясь на время, в доклад к главнокомандующему. Увидав великую княгиню Елену Павловну, он ей сказал: «Ah, madame Michel, vous êtes ici? Et moi?..»*, при этом он присвистнул, чтоб сказать, что все кончено. С наследником долго разговаривал наедине. Говорят, при этом был Мандт и некоторые из служителей, — первый потому, что подозреваем был в незнании русского языка⁵. Кое-что из этого разговора стало известным. Он, главным образом, вертелся около таких фраз: «Держи крепче, как можно крепче», — и сжатый кулак образно выражал при этом державную мысль. *C'était le refrain des dernières instructions d'un mourant***. Кажется, покойник подозревал раздор или несогласие между теперешним государем и Константином, потому что к последнему он обращался серьезно, называя его вашим императорским высочеством, и рекомендовал ему быть верным подданным своего будущего государя. По этому поводу между Константином и Александром Николаевичем произошла трогательная сцена. Они у одра смерти бросились друг другу в объятия. Потом умирающий продолжал говорить в том же смысле Константину, показывая ему теперешнего наследника, напоминая ему, что это его будущий царь, которого он до возраста, если окажется нужным, должен охранять и беречь всячески. Стоит еще рассказать вот какой случай. Когда он со всеми простился, некоторые из приближенных хотели доставить ему утешение видеть Нелидова. Чтoб не оскорбить его, они повели речь издалека о том, что некоторые из придворных дам, особенно ему преданных, желают с ним проститься; названо было несколько имен, в том числе Нелидова. Он подумал и потом сказал: «Это все прошло»⁶. Перед смертью написал записочку карандашом, запечатал и приказал Александру Николаевичу распечатать по его смерти и истребить. Так и сделано. Императрица (Александра Федоровна) знала содержание записки. Для всех прочих — это тайна. Потом: не велел себя бальзамировать, хотел, чтоб его выставили не более как на 10 дней, но потом прибавил: «Великие князья не успеют приехать; хороните через 14 дней». Сам назначил место, где похоронить, — в ногах у Павла. Сам велел заказать гроб, какой был у Протасова, который ему понравился. Этот гроб работал какой-то бедненький гробовщик на Васильевском острове, и последнее жилище царя было перевезено на простых санках, без лошадей, работниками, во дворец. Анненков причисляет это к беспорядку, а по мне так это чуть ли не самое трогательное из всего: хоть раз проглянул человек в умершем, за всю его жизнь. Забыл прибавить, что он особенно рекомендовал наследнику (Александру Николаевичу) не делать более никаких уступок союзникам, потому что более уступать нельзя, а военному министру особенно приказывал напоминать об этом теперешнему государю! Ты видишь, как я прав, говоря, что он хотел продолжать царствовать и из-за гроба.

После кончины произошел во дворце такой беспорядок, такая суматоха и суетня, что в первые же минуты набралось в комнату множество постороннего народа, и каждый ходил и делал что ему угодно. Замечательно, что за первыми минутами оцепенения и страха после кончины последовало совершенное, убийственное равнодушие. Говорят, плакали сильно во Дворце, горько плакал весь дом у Клейнмихеля (это достоверно)⁷, когда везли колесницу погребальную в крепость, народ при повороте ее с набережной в 1-ю линию пал на колена, и плакали многие; то же повторилось, когда процессия переступила через дамбу Тучкова моста на Петербургскую сторону, что особенно тронуло государя и цесаревну (т. е.

* Ах, госпожа Мишель, вы здесь? А я?.. (франц.).

** То был припев в последних указаниях умирающего (франц.).

царицу). Но все это являлось как исключение; общее же впечатление — холодность и равнодушие. Говорят, не таково было впечатление, когда умер Александр I. Это отзыв современников его, помнящих живо событие. Народ толковал теперь, что ему все равно или что следует царствовать Константину, потому что он царский сын, а не Александр⁸, что покойник поприжал помещиков, а новый каков-то еще будет, но все это не было общим голосом. Только общий и сильный голос был в народе, что Мандт отравил царя. Гордость Мандта, ненависть к нему врачей, которых он был тремя головами выше, неосторожность его лечить царя лекарствами собственного приготовления, без рецептов, ошибка, может быть — не пустить покойнику крови, когда у него было воспаление в легких, все это объясняет слух, который врачи, враги Мандта, и распускали, и поддерживали. Верно то, что его народ требовал у Дворца, до выноса покойного в крепость; что Мандт живет не у себя на квартире, а во Дворце. Вдова покойного была у него с визитом, и царь был тоже. Он (Мандт) болен. Думают, что Мандт скоро уедет за границу, но верно я не знаю. Наконец, вы знаете слухи о набальзамировании. Оно было сделано невежественно, так что царь стал тотчас же гнить. Пошли взаимные обвинения врачей друг на друга, и царь отдал это дело на рассмотрение медицинскому начальству. Потом какой-то другой уже врач (не припомню фамилии) починил покойника, так что он до 5-го долежал в церкви *tant bien que mal**. Константин крепко был раздосадован, что его называли и считали претендентом на престол, и он делал все возможное, чтоб заявить свое верноподданничество: читал присягу необыкновенно громко и внятно; стал говорить во всеулышание, что он морской министр — и более ничего; устраняется от всего; не хочет брать на себя никаких новых обязанностей, справедливо замечая, что члены императорской фамилии слишком обременяются множеством дел и оттого ни в одно вникнуть порядочно не могут; он же останется при морском деле, в котором уже кое-что смыслит, и надеется поднять эту часть. Чтоб еще более заявить свои чувства, Константин в присутствии Бажанова⁹ настаивал на том, чтоб теперешний цесаревич повторил ему слово в слово наставление, данное им покойным, уговаривал его не забыть эти слова, и повторил клятву со своей стороны исполнить завет свято. Говорят, Бажанов сказал ему на это: «Ваши чувства делают вам величайшую честь. Позвольте при случае напомнить вам ваши клятвы и обещания».

Теперешний царь Константина очень ласкает. Когда наступил первый день доклада Константина, последний явился в назначенное время. При покойном он присутствовал при докладе военного министра, который приезжал прежде него; но теперь Константин остался в приемной. Государь это узнал, позвал Константина в кабинет, оставил его при докладе Долгорукова и просил, чтоб вперед все осталось по-старому, как было при покойном. Если оба брата искренно пойдут об руку, не поддаваясь обольщениям ссориться, царствование может выйти даже замечательно умное, ибо в хороших наклонностях, в дельности, в уме Константину отказать нельзя. Недавно он принимал Ребиндера, приехавшего из Кяхты, долго с ним говорил, обещал доставить аудиенцию у царя и особенно рекомендовал ему говорить государю все, совершенно откровенно, как бы он говорил самому себе, а не царю¹⁰. Остаются затем только сплетни и слухи. Любопытно, что новый царь, получив от Блудова проект манифеста о своем восшествии на престол, показал его сперва жене и потом уже подписал. Ф. И. Тютчев рассказывает, будто теперешний царь выразился так: «Мудрено ли, что у нас нет голов, когда их 30 лет снимали». Эти слова влагают ему в уста, когда он был в(еликим) князем. Покойный царь завещал

* дурно ли — хорошо ли (франц.).

Нелидовой 300 000 рублей серебром, Адлербергу, кто говорит 15 тысяч дохода в год, кто миллион единовременно¹¹. Еще: Меншикова покойник отставил только от должности главнокомандующего, а от должностей финляндского гражданского губернатора и начальника морского штаба — теперешний; Меншиков выпросил себе зато в подарок казенный дом, в котором он жил в качестве начальника штаба, а Комовского, его любимца, пожаловали в статс-секретари и тайные советники¹². Каковы люди! Еще что: носятся слухи, что заготовлено и выйдет на днях прощение последних декабристов; велено будто бы остановить преследование раскольников; царь будто бы сказал: «Я не хочу мученичества». Сильно говорят о том, что Бибикову плохо и что его заменят Игнатьевым; это было бы истинным успехом¹³. То же говорят о замене Брока (Княжевичем, а кто называет Чевкина), о смене гр. Клейнмихеля, о неудовольствии с Киселевым, об облегчении цензуры и пр.¹⁴ Бродят слухи о замене Орлова Бариатинским, который на Кавказе, а Чернышева — Орловым¹⁵. Всем этим слухам внимаю с недоверием, пока не увижу приказов или не удостоверюсь положительно как-нибудь. Каждый влагает в уста и в голову нового самодержца свои надежды, ожидания и требования от нового правительства, как всегда и везде. Есть множество анекдотов мелких, но всего не напишешь. А главное из того, что я знаю, я все написал.

Всего важнее — как приняли весть в просвещенных кружках. Здесь не могу сказать, чтоб было большое единодушие. Многие, ненавидя покойника, боятся, что новый царь не справится с затруднительными внешними обстоятельствами, в которые повергнул его покойный. Война, кажется, и не думает прекращаться. Оттого те, которые радовались бы смерти при другой обстановке, задумываются перед будущим. Впрочем, речь дипломатическому корпусу, дворянству и гвардии возбудила большое сочувствие; находят, что царь говорил симпатически и с достоинством¹⁶. (Знаете ли вы, что в день кончины войска, говорят, по настоянию покойного, были собраны в казармах, а Преображенский полк имел ружья заряженные?). Кроме этого мнения, есть и другое: многие жалеют ума и твердости Николая, считают нового царя совершенно неспособным и предвидя еще больший произвол и беспорядок в управлении и преобладание немецкого и дворянского элемента в царском совете. В первой половине этого пункта я расхожусь со многими моими друзьями, в том числе и с Милютиными¹⁷. Есть люди, которые считают, что при новом царе положительно будет лучше, рассчитывая при этом на его тихий нрав и несомненно доброе сердце; не предвидят реформ и великих государственных действий, но полагают, что все пойдет хоть в той же колее, но почеловечнее и помягче, по крайней мере сначала. К этому мнению я присоединяюсь вполне, но еще более к тому, которое безумно радуется, что вырвались, наконец, из когтей разъяренного безумца, не загадывая вперед, что будет, и в убеждении, что что бы ни было, а хуже не будет ни в каком случае. Если новый царь не станет биться в своей клетке, как яростный тигр, ища жертв и казней, подобно отцу; если он только даст подлечить раны, нанесенные этим бессмысленным татаринном и злодеем; если мнение, жалоба, высказанные между четырьмя глазами, не будут считаться справедливым основанием к жестоким казням; если хоть мало-мальски общественный голос будет до него доходить, — на 10, на 15 лет этого очень, очень довольно, без реформ и преобразований. Россия измучена, разорена, задавлена, ограблена, унижена, оглупела и одеревянела от 30-летней тирании, какой в истории не было примера по безумию, жестокости и несчастиям всякого рода. Лет 10, 15 немного — чтоб вздохнуть, выспаться нравственно и приготовиться к новой деятельности. С этим вы, может быть, не согласитесь. Но если вы подумаете хорошенько, как ничтожны люди, призванные теперь править, как этот калмык истребил

в верхних слоях всё мыслящее, всё просвещенное, всё одушевленное желанием добра и энергическое, вы, может быть, и найдете, что покой, временный отдых и живительный сон столько же желательны, сколько и необходимы. От нас ждать нечего, а за нами идет гнусная генерация, которую новый Навуходоносор создал с помощью своих солдат, писарей, сборов и шпекинов по своему образу и подобию. Выпущенники пажеского корпуса и школы гвардейских подпрапорщиков, близко известные Ратинскому¹⁸, не исцелят глубоких ран, нанесенных России и государству. Для этого нужны другие головы и другие сердца. Но подготовиться в это царствование может многое в глубине народного сознания и в сфере материальной. Оно может выйти не блестящее, но благодетельное в общей экономии русской истории. Посмотрим. Я предоставляю себе право и любить и ненавидеть. Пока порадуемся, что египетские 30-тилетние казни, щедро и милостиво расточенные нам в бозе почивающим, вечныя славы достойным отцом и благодетелем, миновались. Хочу жить до 70-ти лет, чтоб ненавидеть его и его память всеми силами души, каждым ногтем своим.

7 марта.

Сегодня, сию минуту, услышал, будто бы по телеграфу дали сюда знать, что на Венской конференции первый из 4-х пунктов приняли к общему удовольствию¹⁹. Дай бог, чтоб и все были приняты и мир восстановили. Война нужна была как немезида, как фонтенель, как меркурий против сифилиса, открывшегося в России в лице высочайшей особы. Теперь она становится тем, чем она всегда есть: зло и несчастье, особливо такая бессмысленная, позорная война!

Это письмо я теперь же запечатаю и посылаю к тебе. Если будет что-нибудь новое, велю сказать на словах. Бедный Фролов! Он не дождался минуты сладкой! Как бы его порадовало событие 18-го февраля, день, который долго будет помниться.

10 марта.

Приписка будет невелика. Уже теперь сделаны большие упрощения в военных формах. У кирасир уничтожены лосиные штаны, ботфорты, султаны и ружья (последние на время войны складывались в цейхгауз. Это истинная правда!). Генералам даны красные штаны вместо белых штанов и ботфорт.

Важнее то, и это верно, что Александр завладел умом даже, не только сердцем Константина; в действиях его есть такт. Il a des gros boutons* и доброе сердце. Братья клялись на гробе отца поддерживать друг друга и жить ладно (это известие — верно). Все с боязнью смотрят на восходящее светило Ростовцева. Он был во вражде с Александром Адлербергом, другом императора и его адъютантом (как он силен, доказывается тем, что его в семействе зовут Alexandre III); теперь они с Ростовцевым друзья. Что-то выйдет из всего этого: успеют ли они овладеть царем или их заменят другие? Важный вопрос!²⁰ Царь еще глубоко погружен в печаль и говорит, что все еще чувствует себя наместником, а не царем. Заметь известие о построении редута против Корниловского бастиона, в 300 сажен. Это чрезвычайно важное известие и отлично поправляет наши дела. Есть известие телеграфическое, что два первые пункта об общем покровительстве княжеств и о свободном плаваньи по Дунаю прошли и приняты. Россель, прибавляю, очень любезен и внимателен к нашему послу, Буркене, напротив, надменно и высокомерно себя держит²¹.

Следствие по некоторым раскольничьим делам приостановлено. Требуют, говорят, отчета от Бибикова о том, какой существует порядок для производства раскольничьих дел. Заготавливается милостивый манифест,

* Здесь в смысле: Он имеет большое влияние (франц.).

в котором будут прощены декабристы. Коронация отлагается до окончания войны²². Бибииков виленский, известный дурак и скотина, смещается с генерал-губернаторства, но кто будет на его место — неизвестно²³.

Присылай скорей письмо к Никитенке о Чичерине. Его диссертация — очень замечательна²⁴. И для меня настало потомство не только материально, но и нравственно, в науке. Какая здоровая голова у Чичерина! Он другой имеет взгляд на русскую историю, оригинальный, верный и умный Целую ручку жены. Письмо мое не пускай по рукам²⁵.

¹ Скорее всего об этом письме от 4—10 марта 1855 г. сообщается в воспоминаниях Е. М. Феоктистова. Система Николая I, как указывает Феоктистов, говоря о периоде Крымской войны, «глубоко оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днем становилась невыносимее; ненависть к Николаю не имела границ. Через несколько дней после его кончины получено было из Петербурга письмо К. Д. Кавелина, вероятно сохранившееся в бумагах какого-либо из его московских друзей: это был вопль восторга, непримиримого озлобления против человека, воплощавшего собой самый грубый деспотизм. Письмо переходило из рук в руки и в каждом из читавших его вызвало полное сочувствие» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, стр. 89).

² В январе 1855 г. Грановский извещал Кавелина, что в феврале непременно будет в Петербурге. Но он смог приехать туда лишь в конце апреля 1855 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 289, 453).

³ В. к. Елена Павловна (принцесса Вюртембергская) (1806—1873), вдова в. к. Михаила Павловича. В придворных сферах принадлежала к числу тех, кто сознавал неизбежность уступок, в первую очередь — в вопросе о крепостном праве. Со второй половины 1840-х годов в ее салон был вхож Николай Милютин, позже с нею близко познакомился и Кавелин. Во время своей поездки в Петербург весной 1855 г. Грановский «представлялся» Елене Павловне; в сентябре того же года Грановский виделся с нею в Москве и высказывал ей свои мнения («не показались ли ей мои отзывы о лицах и вещах чересчур откровенными?»), — спрашивал Грановский Кавелина в письме, отправленном за несколько дней до смерти. — «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 291, 307, 458).

⁴ В официальном сообщении о «последних минутах» Николая I передавались его слова, сказанные наследнику (Александру II): «Я хотел продолжать трудиться так, чтоб оставить тебе государство благоустроенное, огражденное безопасностью извне, совершенно спокойное и счастливое; но ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю... Тяжело тебе будет» («Северная пчела», 1855, № 41, от 23 февраля). Говоря о замогильном плевке, посланном Николаем России, Кавелин имеет в виду «последние слова Николая I», воспроизведенные в приказе Александра II российским войскам от 19 февраля 1855 г.: «Благодарю славную верную гвардию, спасшую Россию в 1825 году, равно храбрые и верные армию и флот; молю бога, чтобы сохранил в них навсегда те же доблести, тот же дух, коими при мне отличались. Покуда дух сей сохранится, спокойствие государства и вне и внутри обеспечено, и горе врагам!» (там же, 1855, № 39, от 21 февраля). Последняя угроза была обращена одинаково к врагам внешним и внутренним, то есть свободолюбивым силам России; недаром царь на краю могилы напомнил о подавлении восстания декабристов («спасение» России в 1825 г.).

⁵ Мартин Мандт (1800—1858) — немецкий врач и естествоиспытатель, в России — с 1830-х годов, лейб-медик Николая I; после смерти Николая I покинул Россию. Оставил воспоминания (на немецком языке: «Немецкий врач при дворе императора России Николая I». Мюнхен и Лейпциг, 1923). В «Русском архиве», 1884 (№ 1, стр. 192—198) был опубликован перевод «рассказа доктора Мандта: «Ночь с 17 на 18 февраля 1855 г.». Об обвинениях по адресу Мандта пишет Кавелин далее.

⁶ Варвара Аркадьевна Неллидова (ум. 1897), фрейлина имп. Александры Федоровны (жены Николая I), была возлюбленной Николая I.

⁷ Гр. Петр Андреевич Клейнмихель (1793—1869) — сподвижник Аракчеева, начальник Штаба управления военными поселениями; с 1842 г. — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями; один из самых приближенных сановников Николая I. Был весьма непопулярен в обществе; уже в октябре 1855 г. Александр II должен был пожертвовать им, приняв его прошение об отставке с поста министра путей сообщения. Погодину писали из Петербурга, что там забыли по случаю ухода Клейнмихеля про Крым и Карс и «праздновали как победу» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14, стр. 127).

⁸ Александр II родился в 1818 г., когда еще был жив Александр I и Николай Павлович был великим князем; брат же Александра II Константин Николаевич родился в 1827 г., уже после вступления Николая на престол.

⁹ Василий Борисович Бажанов (1800—1883), священник, профессор богословия в Петербургском университете; духовник Николая I.

¹⁰ Николай Романович *Ребиндер* (1810—1865) — в 1840-х годах, будучи чиновником Министерства внутренних дел, вращался в петербургских литературных кругах. В 1851—1856 гг. — градоначальник («воевода», по ироническому определению П. В. Анненкова) в Кяхте, был знаком в Сибири с ссыльными декабристами, женился на дочери С. П. Трубецкого. По словам Анненкова, Ребиндер выдумал в 1855 г. «сказку о близком отложении Сибири» («Былое», № 13, 1922, стр. 6). Позднее почетитель Киевского и Одесского учебных округов, директор департамента Министерства народного просвещения.

¹¹ Владимир Федорович гр. *Адлерберг I-й* (1791—1884), друг Николая I, его адъютант еще с 1817 г., с 1852 г. — министр императорского двора, оставался в этой должности и после смерти Николая I (до 1870 г.). Николай, действительно, оставил Адлербергу по завещанию ежегодную пенсию в 15 тысяч рублей. «Ничтожнейший из ничтожных», — так характеризует Адлерберга Кавелин много лет спустя в переписке с Дмитрием Милютиним («Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 26; письмо от 13 апреля 1884 г.).

¹² Кн. Александр Сергеевич *Меншиков* (1787—1869) — генерал-адъютант, адмирал, при Николае I начальник Главного морского штаба. В 1847 г. Белинский указывал на него (в письме к П. В. Анненкову), как на самого решительного и, к несчастью, самого умного противника мысли об уничтожении крепостного права (Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 436). В 1848 г. — председатель Комитета для наблюдения за печатью, предшествовавшего так называемому Бутурлинскому комитету. Во время Восточной войны — неудачливый главнокомандующий войсками в Крыму. Рескрипт в. к. Константина Николаевича о «пожаловании» Меншикову в потомственное владение в награду за управление морским ведомством дома начальника Главного морского штаба «со всеми службами и убранием» был распухликован в печати. — Александр Дмитриевич *Комовский* (1815—1863), воспитанник Царскосельского лицея, долго служивший в морском ведомстве, был ближайшим сотрудником Меншикова; потом — статс-секретарь и сенатор, исполнял во второй половине 1850-х годов «особые поручения» Александра II (ревизии министерств и пр.). Его бумаги печатались в «Русской старине» в конце 1890-х годов.

¹³ Дмитрий Гаврилович *Вибилов* (1792—1870) — участник Бородинского сражения, один из видных администраторов николаевского времени, генерал-губернатор Юго-западного края, с 1852 г. — министр внутренних дел, действительно, был оставлен через несколько месяцев, но заменил его не П. Н. Игнатьев (будущий петербургский генерал-губернатор и председатель Комитета министров), а С. С. Лавской.

¹⁴ Петр Федорович *Брок*, министр финансов, был, в самом деле, заменен Александром Максимовичем Княжевичем, но не тогда, а лишь в 1858 г. Константин Владимирович *Чевкин* стал министром не финансов, а путей сообщения, сменив Клейнмихеля. Слухи о «неудовольствии с Киселевым» (Павлом Дмитриевичем, министром государственных имуществ, с именем которого связана известная «реформа» государственных крестьян) до известной степени, очевидно, соответствовали действительности, хотя предупреждали события — Киселев был переведен на пост посла в Париже в 1856 г.

¹⁵ Алексей Федорович *Орлов*, долголетний шеф жандармов, сменил А. И. Чернышева на посту председателя Государственного совета через год, в апреле 1856 г. Александр Иванович *Барятинский* остался на Кавказе и в следующем году был назначен командующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказа.

¹⁶ В речи к представителям дворянства Петербургской губернии 20 февраля 1855 г. Александр II, признавая, что «времена трудные», просил «не увывать» и не посрамить «земли русские» («Северная пчела», 1855, № 48, от 3 марта). Принимая в тот же день в Зимнем дворце генералов, штаб- и обер-офицеров гвардии, царь призывал не уступать шага врагам, отстоять Россию и т. д. (там же, 1855, № 51, от 7 марта).

¹⁷ Через 27 лет Кавелин писал Дмитрию Милютину: «Помните ли, Дмитрий Алексеевич, как мы, в нашем тесном дружеском кружке, повеселили носы с смертью Николая Павловича, в уверенности, что вопрос об освобождении крестьян будет похоронен? Один я крепко верил, что этот вопрос не умрет и пройдет, за что Николай Алексеевич <Милютин. — Ш. Л.> надо мной подтрунивал, говоря, что у меня une foi robuste <непоколебимая вера>» (Из писем К. Д. Кавелина к графу Д. А. Милютину 1882—1884 гг. Сообщил Д. А. Корсаков. — «Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 11—12). Это же Кавелин повторял в письмах к Д. А. Милютину от 1 октября 1882 г. и 13—22 апреля 1884 г.

¹⁸ Возможно, имеется в виду Николай Антонович *Ротынский* (1821—1887), воспитанник Московского университета, чиновник, в период 1870—1880-х гг. — цензор, член Совета Главного управления по делам печати.

¹⁹ Речь идет о Венской конференции послов России, Англии и Франции (при участии австрийского министра иностранных дел), открывшейся в самом конце 1854 г. и имевшей целью выработку предварительного соглашения, которое позволило бы перейти к переговорам о мире. Первый пункт касался замены протектората России над Дунайскими княжествами протекторатом пяти великих держав. Венская конференция весной 1855 г. окончилась безрезультатно.

²⁰ Александр Владимирович *Адлерберга* (1818—1888), сын В. Ф. Адлерберга (см. выше), ближайший сподвижник, самое доверенное лицо Александра II, при котором он состоял в 1836 г., когда последний был еще наследником престола. С 1870 г., после своего отца, являлся министром императорского двора — до конца царствования Александра II. — Яков Иванович *Ростовцев* (1803—1860) — известный своим доносом на декабристов в молодости и видной ролью в подготовке крестьянской реформы в конце жизни. Кавелин хорошо знал о нем как руководителе военно-учебных заведений при Николае I и относился к нему с глубоким недоверием. Представители либерального крыла дворянской общественности сохраняли неприязненное отношение к Ростовцеву до того времени, когда определилась известная перемена позиции его в крестьянском вопросе — переход от крепостнических к более или менее либеральным установкам, что было продиктовано в первую очередь страхом перед возмущением крестьянства. В 1884 г. Кавелин писал Д. А. Милютину: «Вспомните, что Ростовцев освободил крестьян! Ведь это было бы вопиющею к небу нелепостью, если б не было правдой!» («Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 26).

²¹ Лорд Джон *Россель* (1792—1878), о котором упоминает Кавелин, — английский политический деятель, один из лидеров вигов, бывший в разное время премьером и министром иностранных дел, во время конференции находился в Вене как полномоченный британского правительства. Венской миссии Росселя, разговоров о его «мирных настроениях» неоднократно касается Маркс в статьях того времени (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. X, 1933, стр. по указателю). Русский посол — Александр Михайлович *Горчаков* (1798—1883) — известный дипломат, министр иностранных дел в 1856—1882 гг. Барон де *Буркнез* — французский посол в Вене, представитель Франции на Венской конференции. Англию официально представлял ее посол в Вене лорд Уэстморленд. По оценке Е. В. Тарле, Буркнез, «больше всех работавший в Вене, чтобы сорвать переговоры», пользовался полной поддержкой со стороны своего английского коллеги («Крымская война», т. II. Изд. 2. М.—Л., 1950, стр. 344—345).

²² Амнистия декабристам была объявлена только через полтора года и приурочена к коронации Александра II (август 1856 г.).

²³ «*Вибиков виленский*» — Илья Гаврилович (1794—1867), армейский деятель (в особенности — по артиллерийской части), генерал-адъютант, генерал-от-артиллерии. В 1850 г. назначен виленским военным губернатором с управлением гражданской частью, а также гродненским, минским и ковенским генерал-губернатором; облечен был и правами попечителя Виленского учебного округа. Вибиков был смещен в декабре 1855 г. Преемником его стал В. И. Назимов (попечитель Московского учебного округа), с именем которого отчасти связано начало открытой подготовки крестьянской реформы (рескрипт Назимову 1857 г.).

²⁴ Диссертация Б. Н. Чичерина — «Областные учреждения России в XVII веке». Ее горячо одобрили и Кавелин, и Грановский. Руководители юридического факультета Московского университета не пропустили ее по мотивам цензурно-политического характера. Грановский рекомендовал Чичерину попытать счастья в Петербургском университете. А. В. Никитенко должен был, по мнению Грановского и Кавелина, помочь в этом деле Чичерину. Письмо по этому поводу Грановского к Чичерину (при нем прилагалось обращение к Никитенко) напечатано в «Переписке Т. Н. Грановского» (указ. изд., стр. 444; с ошибочной датой). Подробно, но не без некоторой путаницы в хронологии, как свидетельствует сопоставление с комментируемым письмом Кавелина, рассказывает всю историю сам Чичерин в своих мемуарах («Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов». М., 1929, стр. 121—123, 147—148).

²⁵ Если — что можно предположить с большой долей вероятности — настоящее письмо Кавелина имел в виду в своих воспоминаниях Феокистов (см. прим. 1), то Грановский не выполнил заключительной просьбы Кавелина и пустил письмо по рукам, причем оно встретило большое сочувствие в либеральных московских кругах.